

крепко держала в своих руках злая бедность.

Наибольшую территорию заводского района занимал Балтийский завод. Он строил большие военные корабли, перед войной осуществлялась расширенная программа морского вооружения империи, и он работал в полную меру напряжения. Балтийский завод был в несколько раз меньше нынешнего. Рядом находились другие предприятия: большая Ситценабивная фабрика Воронина, Лютше и Чешера, Кабельный, Гвоздильный, Подковный и другие заводы. На Кожевенной линии стояло множество кожевенных заводов, распространявших ужасный запах. Большую часть сырья для заводов доставляли по воде, и берег в этом месте был всегда заставлен рядами барж. Задымленные заводские здания, окрашенные суриком корпуса спущенных кораблей, воткнутые в небо трубы и ажурные переплеты темно-красных кранов, — все это выглядело сурово, но живописно.

За Ситценабивной фабрикой шел пустырь, на котором стояла деревянная Домовая тюрьма. Отсюда открывался великолепный вид на Порт, на взморье и на Галерную гавань.

Смоленское кладбище занимало большой участок. На подъездах к нему, на Четырнадцатой — Семнадцатой линиях и Камской улице торговали венками, бумажными цветами, еловыми гирляндами, разноцветными деревянными крестами, каменными памятниками, металлическими и деревянными оградками для могил. Весь этот товар был для рекламы выставлен у дверей магазинов прямо на тротуарах, прислоненным к стенкам.

Река Смоленка, отделяющая Васильевский остров от Голодая, была грязная, и вода в ней выглядела стоячей. На берегах были навалены кучи всякого мусора, осыпавшиеся вниз, на поверхности реки лопались зловонные пузыри и плыли радужные пятна: соседние заводы спускали свои отходы прямо в речку.

Ближняя к Смоленке и к Малой Неве часть Голодая была застроена заводами. Тут стоял казенный Трубочный завод, изготовлявший разрывные трубки для артиллерийских снарядов, большая Писчебумажная фабрика, Канатный завод, Кожевенный и еще другие предприятия, между которыми кое-где затесались деревянные домишки. Голодаевского жилищного массива, построенного перед самой войной 1914 года, тогда еще не было, равно как и Стадиона. Западная часть Васильевского острова и Голодая представляла собою унылое поле, кое-где поросшее чахлым запачканным морским илом кустарником, кое-где, поблескивая консервными банками, возвышались кучи свалок. На Вольном острове стояло несколько рыбацких хижин на высоких сваях, торчали шесты для сушки сетей и виднелись черные просмоленные лодки, вытасканные на берег. В тихую погоду этот пейзаж выглядел идиллически безмятежно, как на старинной голландской картине. Но при западном ветре вода начинала подниматься и море наступало на землю, поглощая ее пядь за пядью; торчали только отчаянно трепещущие ветки кустов, и становилось как-то даже страшно — на каком зыбком болоте построен Петербург! Земля была бесплодна, на ней даже не разводили огородов; только кое-где бродили коровы, пощипывая низкую траву.

Летом, по праздникам, поле оживлялось. Собирались рабочий народ подышать воздухом. Располагались компаниями, тешились гармошкой, баловались чаем, вскипяченным на костре из подбранного плавника, плясали, лежали, пели песни. Нередко там возникали грандиозные драки со

смертоубийствами.

На Васильевском жил небогатый народ. Кроме рабочих, ютившихся на его окраинах, на Васильевском острове селились служащие, трудовая интеллигенция, моряки и их семьи. Много было студентов и художников. У Андреевского рынка в переулках, пользовавшихся дурной репутацией, были притоны, в них жили проститутки.

В районе Большого проспекта, на Первой — Шестой линиях обитали тихие, аккуратные василеостровские немцы.

К концу XIX века в Петербурге на миллион с лишним населения было больше 100.000 иностранцев, то есть приблизительно 10 процентов, три четверти из них было нем-

управляли домами и именьями, преподавали, торговали, занимались ремеслами, служили конторщиками и администраторами в частных предприятиях и банках. Балтийские уроженцы, особенно дворянского происхождения, поставляли в императорскую государственную машину аккуратных чиновников и военных службистов. Правительство ценило их как хороших исполнителей.

В Петербурге они селились колонией. У них были свои кирхи, школы, клубы, пивные, общества, магазины, дома и предприятия. Два района были почти сплошь немецкими. Это улица Плеханова с прилегающими к ней переулками, участок от церкви Петра и Павла на Невском до

Дачи

Весной и осенью начиналось великое переселение народов — переезд петербургских жителей на дачу и возвращение обратно. По улицам тянулись ломовые подводы, нагруженные всяким домашним скарбом: кроватями, мебелью, матрацами, узлами, кухонными принадлежностями, игрушками, цветочными горшками. На макушке сидела прислуга и держала в руках кошку в кошелке или клетку с попугом. Дачи сдавались обычно без обстановки, и что только ни тащили с собою горожане, желая перевезти как можно больше предметов привычной для них обстановки, по большей части неудобной, неустроенной, негиги-

уже поглотил. В середине XIX века Полустрово было модным петербургским курортом с заведением минеральных вод известного тогда Излера; при заведении был увеселительный сад, где давались представления и играла музыка. От всего этого в XX веке остался только маленький заводик по разливу воды из источников, потерявший к этому времени свою известность.

По северному берегу Финского залива на дачу выезжали на Лахту и западнее, до Курорта включительно, — где рядом, по Сестре-реке, проходила граница с Финляндией. Этот район имеет свою историю. При взятии Ниеншанца Петр I захватил в плен шведского офицера по фамилии граф Стенбок-Фермор и предложил ему перейти в русскую службу. Стенбок-Фермор согласился, и, чтобы поощрить переход других шведов, был щедро награжден землей: его владения простирались от Новой Деревни до Курорта и от моря приблизительно до линии Выборгского шоссе, за вычетом участков чухонских деревень и Сестрорецкого завода. Большую часть своего имения Стенбок-Ферморы прокутили, но в первые годы нашего века им еще принадлежал большой лес, простиравшийся от Лахты до Лисьего Носа. В этом лесу мальчиком я видел летом сохатого, а от лисиц окрестным хозяйствам житья не было. Станция Лисий Нос тогда называлась "Раздельная", и вокруг нее не было ни одного дома. В Раздельной железнодорожный путь разветвлялся: одна ветка шла дальше на Сестрорецк, Курорт, Дюны, другая сворачивала на юг, к морю и кончалась на косе — на Лисьем Носу. Здесь поезд останавливался на дамбе, а от нее отваливал пароход, поддерживавший сообщение с Кронштадтом. Вокруг косы участок принадлежал Морскому ведомству; в эпоху 1905 года здесь-то и происходили казни политических преступников, описанные Леонидом Андреевым в его "Рассказе о семи повешенных". Около Лисьего Носа, восточнее его, на берегу стояли две рыбацкие деревушки — Поляна и Дубки, а в лесу, между Раздельной и Лахтой, был построен маленький кирпичный завод, в мутных карьерах которого было множество карасей. На берегу моря, ближе к Лахте, ясно различалась в лесу аллея старых дубов, идущая перпендикулярно от моря. Рассказывали, что засадил ее Петр I.

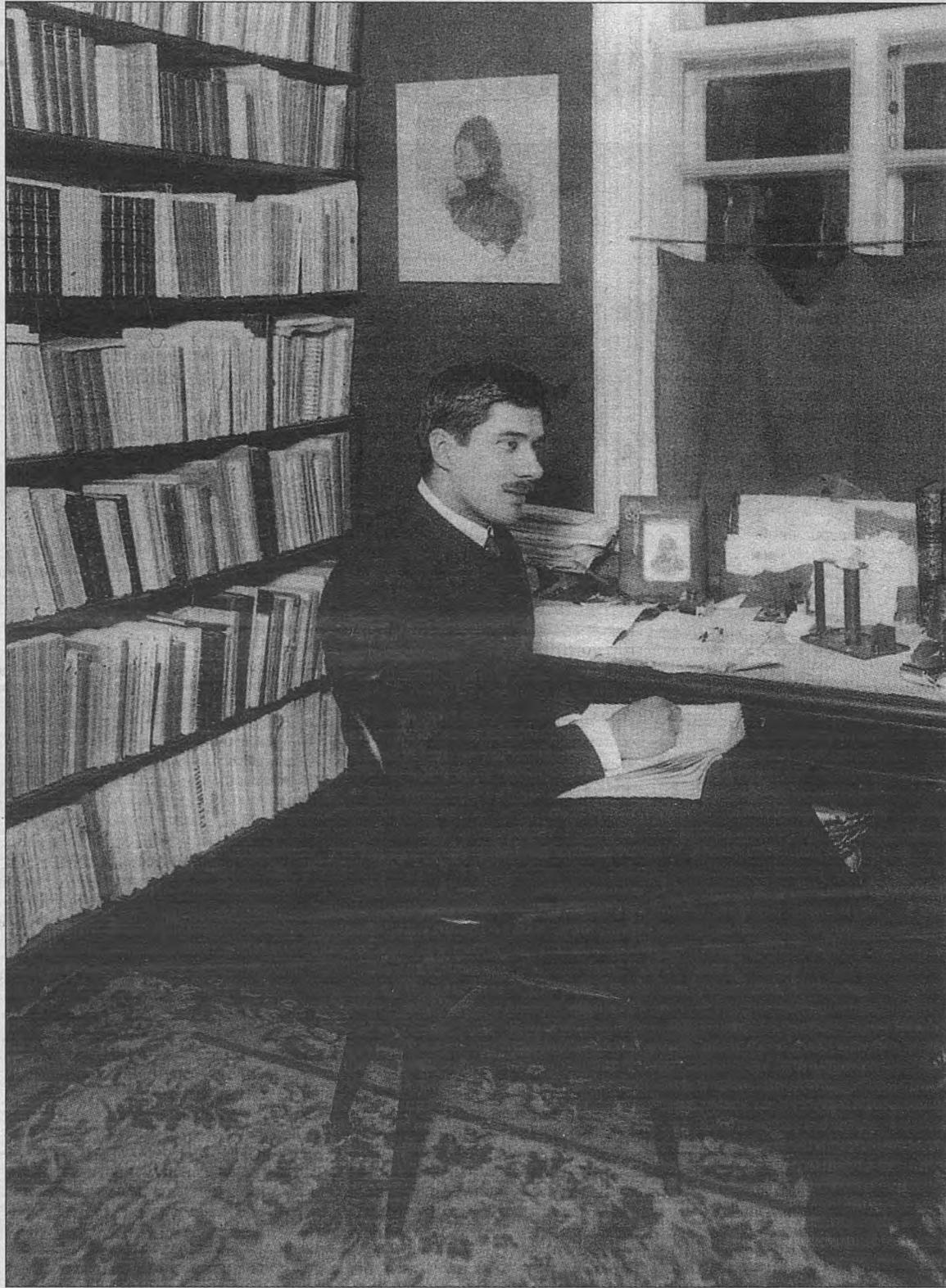
Аллея кончалась круглой площадкой, тоже обсаженной дубами. По преданию, на ней был когда-то дворец, построенный Петром Великим. Контора и службы имения Стенбок-Ферморы были там, где сейчас размещено Правление колхоза, а в графском доме находится радиостанция. На Лахте на пляже торчала большая гранитная скала. Легенда гласила, что камень этот был предназначен для памятника Петру I, но его расколол удар молнии. В лесу, особенно в районе Конной Лахты, водились зайцы, лисы, даже лоси. Сама Лахта была маленькой чухонской деревушкой, где летом селились дачники.

Перед самой немецкой войной Стенбок-Ферморы продали какой-то бельгийской компании весь участок от Новой деревни до Лахты. Бельгийцы намеревались его осушить и построить новый район города.

В чухонских деревушках — Каупилово, Горской, в Александровке и Разливе дачи были дешевы, и там селилась публика победнее.

- Вид на Неву у Николаевского моста. 1910-е гг.
- Корней Чуковский на даче в Куоккале. 1913

Окончание на стр. 16

цев. При Петре I они, как известно, потоком хлынули в Россию из германских государств и из завоеванных Россией прибалтийских республик. Екатерина II выписывала своих земляков, раздавая земли на Волге, в Новороссии, в Крыму, в надежде, что они научат русских мужиков более совершенным методам хозяйствования.

Состав немцев был неоднороден. Некоторые из них давно обрусели, переняв язык, обычаи, религию, и искренне считали Россию своей настоящей родиной. Другие же из поколения в поколение ездили жениться и отбывать воинскую повинность на родину, имели германские паспорта и не говорили по-русски. Немцы работали в промышленности мастерами, техниками, инженерами,

Клуба связи на Мойке — перестроенной немецкой Аннинской церкви. Другой район — Первая — Четвертая линии Васильевского острова, от Невы до Среднего проспекта, тоже с двумя кирхами. В этих районах только и слышалась немецкая речь. По-русски обычно говорили плохо: даже те, кто, казалось бы, вполне усвоил язык, сохраняли свой характерный акцент и не русское построение фразы. Старинный быт немцев хорошо описан Лесковым в его "Островитянах".

Французы были представлены преимущественно гувернантками, преподавателями, модистками, портными, комиссионерами, торговцами, поварами, парикмахерами.

Отправлялся в путешествие любимым фикусом, роялем для барышень, бак для грязного белья, бабушкин диван, загаженный клопами, пыльные занавески и еще черт знает что. Часто для одной семьи нужно было две или три подводы. Выезжали рано утром и тащили целый день, достигая места назначения только к вечеру.

Еще с апреля зажиточные петербуржцы принимались за поиски дачи. Пансионатов было мало, да и жизнь в них стоила недешево. Поэтому те, кто желал провести лето за городом, должны были снимать дачи. Населения в городе было меньше, границы его — уже, и в силу этого дачи были ближе. Правда, самые старые петербургские дачные места — Острова, Старую и Новую деревню, Полустрово — город